

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Борис Зылев, Анатолий Дарков

В ВЯЗЕМСКОМ ОКРУЖЕНИИ

**ВОСПОМИНАНИЯ БОЙЦОВ 6-Й ДИВИЗИИ
НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ**

1941—1942

На линии фронта. Правда о войне

Анатолий Дарков

**В вяземском окружении.
Воспоминания бойцов 6-й дивизии
народного ополчения. 1941–1942**

«Центрполиграф»

2020

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

Дарков А. В.

В вяземском окружении. Воспоминания бойцов 6-й дивизии народного ополчения. 1941–1942 / А. В. Дарков — «Центрполиграф», 2020 — (На линии фронта. Правда о войне)

ISBN 978-5-227-09045-4

Данная книга, хотя и небольшая по объему, уникальна по содержанию. Спустя почти восемь десятилетий после описанных в ней событий под одной обложкой удалось объединить воспоминания двух человек, воевавших не просто в одной дивизии или полку, но и в одном взводе! Сами по себе личности мемуаристов также крайне интересны и необычны для состава Красной армии 1941 года. Командир саперного взвода Борис Зылев – аспирант Московского института инженеров транспорта (МИИТ), а его рядовой боец Анатолий Дарков – преподаватель того же вуза, кандидат технических наук, уже к началу войны издавший несколько учебников. Трагические обстоятельства первых недель войны свели их вместе в составе 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района Москвы. В состав дивизии вошли рабочие крупных предприятий района (заводы «Борец», «Красный металлист», «Станколит», «Красный штамповщик», завод твердых сплавов, глиссерный завод), а также служащие учреждений, преподаватели и студенты высших учебных заведений, в том числе МИИТа. Судьба московского народного ополчения по большей части оказалась трагична. Авторы этой книги в полной мере разделили ее, оказавшись в печально известном вяземском окружении. Первым месяцам войны на дальних подступах к Москве посвящена эта книга.

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-227-09045-4

© Дарков А. В., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Часть первая. Воспоминания Б.В. Зылева	7
Создание 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района города Москвы	8
В резерве фронта	14
В обороне	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анатолий Дарков, Борис Зылев
В вяземском окружении.
Воспоминания бойцов 6-й дивизии
народного ополчения. 1941–1942

© Зылев Б.В., Дарков А.В., наследники, 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

Часть первая. Воспоминания Б.В. Зылева

Эти воспоминания написаны в 1958 году. Тогда стали собирать ополченцев, и Московский комитет ветеранов войны предложил нам написать воспоминания об ополчении. На основании этих воспоминаний в 1961 году в издательстве «Московский рабочий» вышла книга «Народное ополчение Москвы», а в 1966 году – книга «От Москвы до Берлина». В оба сборника вошли отдельные фрагменты моих воспоминаний. Большая же часть записок существовала в виде машинописного текста. В настоящее время появилась возможность создать компьютерную копию воспоминаний. Эта копия содержит все, что было написано в 1958 году.

Я думаю, что любая подробность может представлять исторический интерес, когда речь идет о том, что происходило с участниками народного ополчения на дальних подступах к Москве летом и осенью 1941 года. Именно здесь, в условиях необыкновенно трагических событий, таких как вяземское окружение, родилась наша воля к победе, воля народа, вставшего на бой за свою жизнь, счастье и свободу.

Воспоминания относятся к созданию и боевому пути 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района Москвы. Дивизия формировалась из рабочих, служащих предприятий и учреждений, преподавателей и студентов. В середине июля 1941 года дивизия была передислоцирована в район Дорогобужа, где вошла в состав 24-й армии Фронта резервных армий (с 28 июля – Резервного фронта). Здесь было завершено окончательное формирование дивизии. Боевая подготовка ополченцев сочеталась с инженерными работами по созданию оборонительных рубежей. В конце августа – начале сентября 1941 года 6-я дивизия народного ополчения в составе той же 24-й армии приняла участие в Ельнинской наступательной операции, вела боевые действия севернее Ельни. После освобождения города ее части в течение сентября вели оборонительные бои на западных подступах к городу. 26 сентября 1941 года дивизия была переименована в 160-ю стрелковую, которая затем участвовала в Вяземской оборонительной операции.

Я вступил в дивизию народного ополчения 7 июля 1941 года и воевал в ее составе до 20 октября 1941 года, когда после выхода из окружения под Вязьмой я явился в Дзержинский райвоенкомат для определения моей дальнейшей службы в армии.

Этот небольшой по времени период был насыщен многими необыкновенными событиями как в жизни нашей Родины, так и в жизни 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района г. Москвы.

Создание 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района города Москвы

22 июня 1941 года было воскресенье. После дождливой ночи настало ясное летнее утро, которое дышало свежестью и, казалось, мирным покоем. Это особенно чувствовалось за городом, где мы вместе с женой обрабатывали наш первый огород. И вдруг до нашего дома долетела страшная весть – утром немецкие самолеты бомбили Киев, Минск, Севастополь, немецкая армия, нарушив мирный договор, начала военные действия на всем протяжении наших западных границ. Эту весть, изменившую всю нашу жизнь, принесла нам самая обыкновенная женщина, проходившая по улице вдоль нашего забора. Сказала она это взволнованным голосом, в котором слышались слезы, тревога, негодование. Мирное, тихое утро превратилось в первый день Великой Отечественной войны.

Скорей в Москву! Там уже, наверное, есть повестка в военкомат... На станции много народу, лица у всех взволнованные, у репродукторов в молчании стоят люди, все ждут известий: что будет дальше, как развернутся события, что будет делать страна, какова судьба каждого ближнего и твоя собственная судьба. То тут, то там слышны возгласы возмущения вероломным поступком гитлеровской Германии, но теперь это уже факт.

Москва уже совсем другая, что-то изменилось в ней. Еще все одеты в праздничные платья, еще все напоминает мир, но что-то отделило всех людей от мира. Вот институт, такой же, как вчера, вот сад, булочная, вот вчерашняя мирная газета, но чувствуется, что это все прошло, теперь другая жизнь, мира нет, есть война. Мы не слышим грохота орудий, взрывов бомб, но каждый представляет, что мира нет, что есть война, и от этого люди стали серьезнее, напряженнее их взгляды, порывистее движения. Как огромный океанский пароход отчаливает от берега, чтобы пуститься в плавание по безбрежному водному простору, так и наша страна отошла от «берега» мира и вверглась в пучину войны, и там, где лежала черта между миром и войной, было это летнее утро 22 июня 1941 года.

Каждый день приносит тревожные вести: враг перешел государственную границу, враг бомбит наши мирные города и села, наши войска с боями оставили Бессарабию, враг вошел на украинскую землю. Все живут известиями с фронта, радио не выключается весь день, у газет на улице по утрам собираются люди. В армию призывается 13 возрастов. Многие уже в армии и уехали на фронт. На заводах кипит напряженная работа, люди по суткам не уходят от станков, на предприятиях происходят митинги протеста и возмущения против вероломного нападения гитлеровской Германии. Организована противовоздушная оборона, в каждом доме созданы команды местной противовоздушной обороны. Я записан в пожарную команду вместе с И.И. Савиным, соседом по дому. Ночью мы дежури́м на чердаке нашего дома.

Каждую ночь воздушные тревоги, гремят зенитные орудия, свистят осколки зенитных снарядов, прожекторы разрезают небо яркими полосами – они ищут самолеты врага. Население во время воздушных тревог уходит в бомбоубежища: у нас бомбоубежища организованы в институте и в подвале Химического корпуса.

Но мне не пришлось побывать в бомбоубежище, мое место по расписанию дежурства команд – чердак нашего дома. Оттуда, с крыши дома, видна Москва, но она теперь совсем другая, не такая, как пять дней назад: светомаскировка сделала ее неузнаваемой, она погружена во тьму. Мы следим за светомаскировкой: на лестничных клетках – синие лампы, на окнах – шторы, на улицах фонари не горят. Мостовую кое-где приходится красить белыми полосами, чтобы видели машины. Фары не включают, машины идут без огней. Окна домов оклеены полосами бумаги: говорят, что это помогает – стекла становятся крепче, и больше вероятности, что стекла не выбьет взрывной волной от авиабомбы.

На чердаках заготовлены ящики с песком. Чтобы песок можно было бросать на зажигательную бомбу издали, его насыпают в чулки.

Кругом работают курсы ПВО, санитарные курсы. Моя мать обучает прямо во дворе нашу санитарную дружину по оказанию первой помощи, отец является начальником ПВО нашего двора.

Днем наша жизнь кажется такой же, как и раньше: я хожу заниматься в аспирантуру, сдаю экзамен по философии на «отлично». Экзаменатор Савельев поздравляет с полученной отметкой. Папа ходит в институт, заканчивает экзамены, готовит кафедру математики к новому учебному году, мама ездит на работу в институт Обуха, но она теперь приезжает обычно поздно. Моя жена ездит в свой Институт Маркса – Энгельса – Ленина, где она работает младшим научным сотрудником в секторе Маркса. Я иногда заезжаю за ней, и мы идем домой пешком. Мы говорим всегда о войне, о том, что наши основные части еще, наверное, не вступили в бой с врагом, считаем, сколько у немцев сбито самолетов и сколько они потеряли танков. Мы утешаемся тем, что наши самолеты авиации дальнего радиуса действия бомбят столицу Германии – Берлин.

В условиях войны наша жизнь продолжает идти как бы по-старому, только больше забот, только редко приходится спать ночью, только не покидает чувство тревоги. Вся жизнь как бы в тумане, как бы во сне, от которого надо вернуться к реальности. Хочется каких-то особенных дел; все, что было до войны, кажется не тем, что должно быть теперь, во время войны.

Ночь 3 июля сменилась утром. Темный город, исчезавший во мгле ночи, стал виден в первых лучах зари. Дневной свет заполнил просторы между домами, стали видны ближайшие дома, все четче вырисовывались очертания театра ЦДКА, затем стали видны башни Кремля, и весь город теперь такой же, как обычно, предстал перед нашими глазами. Утро, чудесное, тихое летнее утро, город, подернутый розовой дымкой, дымкой утренней зари. Все было таким же, как десять дней назад.

Но вот низко, с бешеной скоростью пролетел над нами красавец-истребитель. Это один из патрульных самолетов, которые теперь находятся в воздухе над Москвой на случай налета фашистских бомбардировщиков. Нет, теперь совсем другое; вот и мы с Иваном Савиным стоим на крыше нашего дома и встречаем утреннюю зарю. Наше дежурство окончено, мы спускаемся на землю по пожарной лестнице, обходим дом и Химический корпус, подходим к крыльцу, хотим попрощаться, но вдруг слышим из открытого окна позывные: «Широка страна моя родная...» Знакомая мелодия заставляет нас насторожиться, мы подходим к окну и слушаем. Голос диктора говорит: «Сейчас перед микрофоном будет выступать председатель Государственного Комитета Обороны товарищ Сталин...» Трудно передать волнение, которое охватило нас при этих словах. Мы знали, что речь, которую мы сейчас услышим, будет исключительно важной, может быть, решающей в судьбе нашей Родины. Я побежал домой, чтобы сказать всем, что у микрофона будет выступать Сталин. Молча, с величайшим вниманием выслушали мы всю речь Сталина 3 июля 1941 года. Речь эта хорошо известна, и я не буду пересказывать ее, но и сейчас помнится многое: «Братья и сестры... враг хочет поработить нашу Родину... Отступая, надо угонять скот, сжигать дома... Наш народ поднялся на Великую Отечественную войну... В ряде городов организуется народное ополчение... В бой вступают главные полевые силы Красной армии... Не верьте распространителям всяких ложных слухов... Враг будет разбит, победа будет за нами».

Сегодня все говорят о речи Сталина, о Великой Отечественной войне, говорят о том, что теперь противник получит достойный отпор.

На кафедре мостов МИИТа мы составляем атлас по временному и краткосрочному восстановлению мостов, составляем проекты восстановления мостов какой-то дороги, уже захваченной немцами. Мы задаемся разрушением, мы сами «бережно» разрушаем мосты: то у моста подорвана средняя опора, то перебито пролетное строение посередине.

Как мы были далеки в наших предположениях от истины! Ведь фашисты разрушали мосты так, что от них не оставалось ничего, что можно было бы использовать при восстановлении. Но ведь мы не знали еще, что такое война и что такое гитлеровская армия.

4 июля в нашем институте стала организовываться дивизия народного ополчения, а 7-го числа я, как и многие профессора, преподаватели, рабочие и служащие института, вступил в 6-ю дивизию народного ополчения Дзержинского района Москвы.

Записал меня в ополчение секретарь парткома института мой преподаватель строительной механики Тихон Георгиевич Фролов. С этого дня я – ополченец, командир саперного взвода 4-го запасного полка дивизии. Состав самого взвода необычен: в нем числилось 11 преподавателей нашего института, работники Наркомата внутренних дел, плотники из Орехово-Зуево.

Помнятся мне следующие товарищи по саперному взводу: Калганов, до ополчения – работник ГУШОСДОРа НКВД СССР. Он был помкомвзвода и парторгом и выполнял во взводе не только функции помощника командира взвода, но и политрука, хотя, конечно, такой должности во взводе не было. Преподаватели МИИТа: доценты, кандидаты наук Смирнов А.Ф.¹, Дарков А.В., Осокин А.В., Гудков В.П., Лидерс Г.В., Успенский М.П., Моргунов И.С., Дьяконов П.В., профессор, доктор технических наук Урбан И.В., преподаватель МЭМИИТа Левин А.П.

Другая часть взвода была укомплектована плотниками, приехавшими к нам из Орехово-Зуево; их фамилии, к сожалению, не сохранились в памяти, за исключением фамилии ополченца Соленова, уже пожилого человека, участника империалистической и Гражданской войн. Соленов захватил в ополчение топор – лучшего своего друга и помощника.

Дивизия комплектовалась очень быстро: с 4 по 7 июля она была полностью укомплектована людским составом.

7 июля командиром дивизии был назначен полковник Шундеев Алексей Иванович² (с 4 по 7 июля командиром дивизии был генерал-майор Н.Д. Дрейер), комиссаром дивизии – преподаватель философии Савельев Михаил Никитич, начальником штаба – полковник М.В. Лебедев. Помню я еще ополченцев, которые вступили в дивизию из МИИТа: Костюка А.И., Бармашева А.А., Ледовского В.И., Запорожца Г.И., Никитина В.В., Руднева Г.В., Волкова С.С. (доцент кафедры сопротивления материалов), Хапанцева, Барибана А.Л., Минорина Г.А., Никольского Н.И., Богдановича А.Ф., дочь доцента Лобандиевского – Надю Лобандиевскую, Женю Ильина (аспиранта), Карпова (преподаватель военной кафедры), Шебунина А.А., Мостовского А.Ф. (доцента кафедры теоретической механики), Саухина (монтера института), преподавателя физкультуры Румянцева С.И., столяров Прокофьева В.И., Щепетильникова В.А., Носко К.Л., аспирантку Маньковскую Н. Многие из них погибли или в боях в октябре 1941 года, или в немецком плену, а некоторые и сейчас работают в МИИТе и в других учебных заведениях.

¹ **Смирнов Анатолий Филиппович** (1909–1986) – рядовой 6-й дивизии народного ополчения. Впоследствии доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР. Крупный ученый в области строительной механики.

² **Шундеев Алексей Иванович** [17.3.1896–10.1941 г., пропал без вести]. Русский. Полковник (1940). В Русской императорской армии с апреля по декабрь 1917 г. В Красной армии с июня 1918 г. Окончил Оренбургское военное казачье училище в г. Уральск (1917), Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе (1928). В Гражданскую войну в конце августа 1918 г. из разрозненных отрядов сформировал 1-й Уральский кавалерийский полк. По сформировании в его составе и. д. адъютанта этого полка. В ноябре 1923 г. назначен военкомом 90-го Уральского полка. С октября 1931 г. и. д. начальника 1-го отдела штаба Полоцкого укрепленного района. С января 1934 г. был командиром и военкомом 129-го стрелкового полка 43-й стрелковой дивизии. В апреле 1938 г. уволен из РККА и арестован органами НКВД, находился под следствием до мая 1939 г. После освобождения он был восстановлен в кадрах Красной армии и в июне 1939 г. назначен преподавателем кафедры общей тактики Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе, с апреля 1941 г. и. д. преподавателя кафедры службы штабов этой академии. В начале Великой Отечественной войны полковник А.И. Шундеев приказом наркома обороны СССР от 2 июля 1941 г. был назначен начальником штаба 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района Москвы. С 7 июля вступил в командование этой дивизией. Осенью 1941 г. пропал без вести (*Комдивы*. Военный биографический словарь. Т. I. М., 2011. С. 714–716).

С 7 июля мы были переведены на казарменное положение, наш взвод разместился на пятом этаже главного здания МИИТа в аудитории 508. Парты частично сдвинуты в угол, частично убраны в коридор. Мы располагаемся прямо на полу, положив под головы свои рюкзаки, в которых собрано все наше добро. У меня рюкзак довольно полный: в нем две смены белья, полотенце, мыло, сахар, сухари, колбаса, 10 книг по саперному делу и восстановлению мостов, которые я взял из библиотеки. Одеты мы в свою гражданскую одежду. Отец купил мне сапоги, в которых будет удобно в полевых условиях.

Утром 8-го числа мы идем на фабрику-кухню МИИТа, где нас кормят завтраком, там же мы получаем обед и ужин. Наш день занят до предела: после завтрака – строевая подготовка, мы маршируем по улицам, больше занимаемся в Институтском переулке. После обеда в Александровском общежитии получаем матрацы, которые переносим в 508-ю аудиторию. Теперь у нас будут сносные кровати. После этого мы занимаемся чтением военных уставов, изучаем винтовку. Вечером, когда взвод уже отдыхает, надо заняться списками, выбрать командиров отделений, а потом хочется сходить домой, ведь моя семья находится в этом же дворе.

9 июля наш взвод перевели из здания МИИТа в помещение маленькой школы, которая находилась позади нашего Вышеславского общежития. В этой маленькой школе, сложенной из красного кирпича, мы прожили 9 и 10 июля 1941 года.

Дни наши заполнены учебой, маршировкой, медицинскими осмотрами, особенно тех, кто жаловался на состояние здоровья; из нашего взвода в Москве по состоянию здоровья было уволено два человека. Помнится такой эпизод тех дней. Иду я по коридору института, вдруг слышу голос: «Голубчик!» Я обернулся и вижу генерал-майора Савченко – заведующего военной кафедрой МИИТа, под руководством которого я, как многие мои товарищи, прошел высшую вневойсковую подготовку (ВВП) и получил звание младшего лейтенанта запаса. «Голубчик, – говорит мне Савченко, – слышал я, что ты командир саперного взвода, возьми у меня носимые пехотинские лопатки, они вам пригодятся, а здесь они зря проваляются». Он открыл склад, и я взял у него 14 новеньких, в кожаных чехлах лопаток. Эти лопатки пригодились нам позднее.

9-го вечером я в последний раз сходил с женой в парк ЦДКА. Мы ходили по аллеям парка и говорили о нашей жизни, думали о будущем. Мы чувствовали, что вскоре нам придется расстаться. Вскоре, но никто из нас не знал, что это будет послезавтра, а срок разлуки будет измеряться 2,5 годами войны.

10-го нам выдали обмундирование. Мы получили черные гимнастерки и брюки галифе, такие, какие бывают у военизированной охраны складов, кроме того, выдали нижнее белье и обмотки, а также пилюльки. Обувь и шинели нам выдали только в середине августа.

Мы с Калгановым занимались выдачей и подгонкой этого обмундирования, старались получить обмундирование, которое по размерам подходило бы людям нашего взвода. Некоторые остались в своей верхней одежде.

Днем 9-го или 10-го числа дивизия была выстроена на дворе института для проверки личного состава. Это была полнокровная дивизия, в которой был порядок, которая могла действовать и управляться.

Командир дивизии А.И. Шундеев обошел подразделения и принял рапорты от командиров полков и отдельных рот и батальонов. Мы стояли против своего родного института, недавние его работники, мы стали его бойцами. Теперь началась та, другая, настоящая жизнь, жизнь, которую я ждал с первых дней войны, о которой мы слышали от участников Гражданской войны, жизнь, которой мы завидовали еще с детских лет.

В дивизию народного ополчения вошли представители многих предприятий Дзержинского района, но больше всего здесь чувствовались коллективы МИИТа, МЭМИИТа, Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел, заводов «Борец», «Станколит». Состав дивизии был самый разнообразный: тут были совсем молодые рабочие и студенты,

начиная от 17 лет, и уже совсем пожилые люди, которым было за 50 лет (людей старше 55 лет в ополчение не записывали). Столь же разнообразен был состав людей по специальностям: тут были и дипломаты из Министерства иностранных дел, профессора МИИТа и МЭМИИТа, кадровые военные, которые возглавляли некоторые подразделения дивизии, рабочие промышленных предприятий, строительные рабочие, студенты, даже школьники 10-х классов. Были в дивизии и женщины, но их число было невелико, они составляли санитарный батальон и были в штабах дивизии и в некоторых ее подразделениях.

Дивизия состояла из людей, которые обладали большим военным опытом, и людей, которые даже никогда не служили в армии. В общем, дивизия народного ополчения была по составу такой же разнообразной, как и население нашего Дзержинского района. Нас всех объединяло одно – желание как можно скорее разгромить гитлеровскую армию, наказать зарвавшегося врага, освободить нашу землю от немецко-фашистских захватчиков. И, глядя на многотысячные ряды нашей дивизии, мы чувствовали великую силу нашего народа, чувствовали, что народ наш поднялся на справедливую и благородную борьбу. Каждый из нас был горд тем, что ему пришлось участвовать в этих событиях.

За те несколько дней, которые прошли с начала организации нашей дивизии, была проделана огромная работа. Были укомплектованы личным составом все части и подразделения дивизии, был назначен командный состав, который уже руководил жизнью дивизии, познакомился с подчиненными и успел проделать большую работу по освоению строевой подготовки, изучению уставов армии и изучению оружия.

В эти дни нас еще не снабдили оружием, вернее, оружие было дано, но в очень малом количестве. В саперном взводе 10 июля была только одна винтовка системы СВТ. В других подразделениях оружия было больше, но вообще число винтовок в каждом взводе не превышало нескольких штук. Но нас не смущал недостаток оружия: мы понимали, что пока мы можем быть использованы на постройке оборонных сооружений, на рытье окопов, противотанковых рвов, на устройстве минных полей и на других работах.

День 11 июля начался так же, как и все последние дни: утром я проводил зарядку во дворе школы, затем взвод ходил завтракать. После завтрака занимались строевой подготовкой, а после обеда изучали устройство окопов, наблюдательных пунктов, готовились к деятельности саперов.

День был жаркий, жара сохранялась и до самого вечера. Когда после ужина мы стали располагаться на отдых, пришел вестовой от командира полка и приказал мне вести взвод в полной походной выкладке, то есть со всеми вещами, к зданию института. Он сказал также, что нас повезут для строительства оборонительных сооружений на ближних подступах к Москве. Гудков попросился домой отнести свою шинель. Он жил совсем недалеко от школы: в доме МИИТа на Суцевской, 22. Я его отпустил и попросил взять также и мою шинель. В этот жаркий вечер она казалась мне совсем лишней. Гудков взял шинели и через пять минут вернулся без них. Мы потом очень жалели, что совершили этот опрометчивый шаг.

В темноте (было уже около 10 часов) наш взвод отправился на Бахметьевскую улицу (сейчас улица Образцова). Как только мы стали подходить к улице, то увидели, что здесь происходит что-то необыкновенное: вся улица была заполнена автобусами, их было несколько сотен. Некоторые машины стояли неподвижно, другие куда-то перемещались. Воздух был наполнен бензиновой гарью. Около машин сустились люди. Нашему взводу было указано место за воротами напротив институтского сада. Было приказано подготовиться к посадке, предупредили, что уходить никому нельзя.

Как хотелось сходить домой! Ведь дом был совсем рядом. Как хотелось проститься с родителями, с женой, проститься с местом, в котором прошла почти вся моя жизнь, но уйти нельзя, тем более что надо размещать взвод.

А вот и наши автобусы! Мы садимся в два автобуса: в первом – три отделения, во втором – одно отделение нашего взвода и люди другого взвода. Во втором автобусе за старшего Калганов. Несколько минут ожидания в автобусах... Но вот слышен рокот моторов, и машины одна за другой трогаются.

Длинная вереница новых пассажирских автобусов растянулась по улицам Москвы. Спит город или только кажется, что спит: огней не видно, улицы пустынные, а по ним едет дивизия народного ополчения. Притихли бойцы. Они смотрят на знакомые улицы, смотрят на знакомую Москву и прощаются с ней. Все понимают, что для них началась военная дорога. Вот уже наши машины идут по Можайскому шоссе. Мимо проходят бесконечными лентами новые огромные дома. Кое-где блеснет луч прожектора, пролетит вдали одинокая ракета, покажутся знакомые силуэты зданий. Так Москва прощалась со своими сыновьями, провожая их в далекий неведомый путь.

Вот уже миновали последние окраины Москвы. Мы проехали 10, 20, 30 километров, а машины все несутся вперед. Вот уже Можайск! Кто-то говорит, что мы уже в ста километрах от Москвы, а машины все мчатся и мчатся вперед.

Утром нас привозят в Вязьму. Здесь автобусы заправляются бензином на каком-то складе горючего около железнодорожной линии. Когда наши машины находятся на заправке, над станцией пролетают немецкие бомбардировщики, объявляется воздушная тревога. Из соседнего состава выскакивают люди. Оказывается, это эшелон с ранеными. Самолеты сбрасывают несколько бомб, они падают где-то далеко за станцией, не причинив никому вреда, а мы начинаем спешить.

Скоро мы в машинах и едем дальше на запад. Теперь уже никто не говорит о близких подступах к Москве. Автобусы сворачивают с шоссе на проселочные грунтовые дороги, скорость машин резко снижается. Теперь мы едем довольно медленно. Временами автобусы не могут ехать из-за песчаной колеи, мы вылезаем и идем пешком, а иной раз помогаем машинам пройти самые трудные участки пути.

Кончился и этот день. Мы подъехали к Дорогобужу. Ночью мы еще продвигались вперед, но проехали очень мало – машины то и дело застревали в песке. Утром нас высадили где-то между Дорогобужем и Ельнею. Вскоре подъехала машина с 4-м отделением, и саперный взвод опять воссоединился. Командование полка приказало расположиться в районе небольшого леса, находившегося недалеко от дороги, по которой уехали в Москву привезшие нас автобусы. Москва теперь была очень далеко, между ней и нами было более трехсот километров.

В резерве фронта

Саперный взвод, как и весь запасный полк дивизии, расположился на опушке леса и ждал дальнейших распоряжений. Мы закусили тем, что было в наших вещевых мешках, и, выбрав места посуше, легли на траву отдохнуть от утомительного пути. Но отдыхали мы недолго. Через два часа нам было приказано построиться, и мы всем полком, вытянувшись в длинную цепочку, пошли по проселочным дорогам на запад.

Шли мы почти целый день. С непривычки многим, особенно пожилым бойцам, было тяжело проделывать этот длинный путь. В нашем взводе особенно тяжело было преподавателю МИИТа тов. Левину. Мешали ему три обстоятельства: возраст, который превышал 50 лет, полнота и большой рюкзак человека, который еще не знал пословицы, что в походе и иголка тянет. Мы организовали ему помощь и поочередно несли его рюкзак.

Иногда в небе над нами пролетали немецкие самолеты, которые потом называли «рамами». В этом случае давалась команда «воздух!», и взвод, разбегаясь с дороги, ложился по соседним канавам. Но самолеты пролетали очень высоко и, скорее всего, нас не замечали.

Запомнился мне на этой дороге один случай. Мы остановились на привал около одного из крайних домов небольшой деревушки, сняли свои рюкзаки и легли отдохнуть. Вдруг подбегает к нам кто-то из бойцов саперного взвода и говорит: «Товарищ командир взвода, в соседней избе человек режется!» Я встал и вместе с ним, обогнув угол дома, в тени которого мы лежали, вошел с маленького крылечка в полутемные сени. В углу против двери стоял человек. Глаза его дико блуждали, рубашка на груди была разорвана, из двух ран на груди и из раны на шее густыми ручейками бежала кровь. В руках он держал небольшой столовый нож, намереваясь вонзить его в тело в том месте, где находится сердце. «Брось нож», – скомандовал я спокойно. Спокойно, ибо чувствовал, что только такой подход может дать результат. Человек посмотрел на меня каким-то жалким, растерянным взглядом, и нож выпал из его разжавшейся руки. Я подобрал его. Тут подошли другие. Мы помогли раненому выйти на крылечко, где он лег. Это был ополченец из взвода, который шел впереди нас. Я спросил его, почему он это сделал. Он ответил мне только: «Необоснованное обвинение...» – и больше ничего не говорил. Вскоре подошел фельдшер и стал перевязывать раны, подошли и его товарищи. Я скомандовал саперному взводу подъем, и мы продолжали наш путь, попевая за теми, кто шел впереди.

К вечеру мы остановились в лесу примерно в километре от деревни Починки. Командир полка сказал нам, что мы здесь будем находиться долго, и приказал строить шалаши. Нам раздали черный хлеб и по полбанки сгущенного молока. Мы стали строить шалаши. Здесь намгодились лопатки генерала Савченко, с их помощью можно было нарубить жердей и сучьев. Орехово-зுவские плотники оказались прекрасными мастерами строить шалаши, которые походили на довольно просторные домики, имевшие даже двери. Где-то по соседству было найдено сено, которым вместе с тонкими ветками был устлан пол шалашей. Шалаши были в основном закончены до темноты, и мы расположились на ночлег.

У меня, как и у большинства ополченцев, не было ни одеяла, ни пальто, и я лег на сено, прикрывшись своим пиджачком, который я все-таки взял с собой. Но, несмотря на то что было 13 июля и днем стояла жаркая погода, спать было холодно, холод чувствовался особенно под утро, когда зелень и одежда стали влажными от росы и тумана.

Утром мы закусили хлебом и сыром, который был роздан по взводам, и отправились к тому месту, где нашему взводу было поручено заготавливать колья для проволочного забора и рыть линию окопов. Доставил нас на место военный интендант 1-го ранга, кадровый военный, который выполнял, очевидно, функции начальника снабжения нашего полка. Мы работали вовсю. Тут вновьгодились маленькие лопатки и топоры, которые захватили с собой многие плотники из Орехово-Зуево.

Мы заготовили колья и стали вбивать их в шахматном порядке на указанном нам поле. Мы работали в чудесной природе на опушке молодого лиственного леса. С опушки открывался вид на поля, леса и деревни Смоленщины. Ландшафт украшался небольшими пологими холмами. Яркая зелень лесов и полей, бездонное с одиночными, как бы застывшими, облаками небо, непривычная тишина природы – все это успокаивало и как бы гнало мысли о войне. Но мы не забывали ни на минуту, зачем мы находимся здесь, мы спешили выполнить свои задачи, думали о том, что, может быть, здесь мы или другие будем сражаться с немцами. Может быть, этот чудесный уголок русской земли станет местом, где прольется человеческая кровь. От этих мыслей становилось тревожно на душе.

В обед нас кормили какой-то кашей. Это была первая горячая пища с тех пор, как мы покинули Москву. Во второй половине дня мы продолжили свою работу. Все без исключения работали быстро и напряженно; преподаватели уступали плотникам только в сноровке.

Когда мы вернулись с работы, нам во взвод выдали несколько польских винтовок с патронами. Теперь у нас вместе с СВТ было уже пять или шесть винтовок. Ночь прошла спокойно. Утром мы пошли на работу, как и накануне. Часов в 10 утра мы стали слышать артиллерийскую стрельбу, которая доносилась с запада. Все стали спрашивать, что это за стрельба. Нам ответили, что это маневры. Но стрельба эта совсем не походила на стрельбу при маневрах. Ко мне подошел боец Соленов и сказал: «Взводный, это не учебная стрельба. Я прослужил всю империалистическую и Гражданскую войны и говорю, что это стрельба не учебная, это немцы стреляют, знаю их повадки».

Мы еще активнее принялись за работу. Окопы были уже готовы, колья для проволоки были вбиты там, где им надлежало быть, но проволоки не было. Стрельба, которую мы слышали 15 или 16 июля, то стихала, то совсем прекращалась. Была она от нас, как говорили люди, бывавшие раньше на войне, верстах в пятнадцати – двадцати. Слышалась эта стрельба с юго-запада, где, как мы теперь знали, находился городок Ельня.

После работы мы разошлись по своим шалашам, завязались разговоры о доме, о том, как живут сейчас наши родные и близкие, как Москва, бомбят ли ее, как писать домой письма, какой у нас адрес, а вскоре все, кроме дневального, улеглись спать.

Около полуночи меня разбудил дневальный и передал приказание командира полка срочно явиться к нему. С трудом в темноте нашел палатку командира. Каждый входивший докладывал о приходе и садился на указанное место. Разговоров не было, чувствовалась какая-то напряженность.

Когда собрались все, командир полка сказал (эти слова хорошо сохранились в моей памяти): «Стрельба, которую вы слышали днем, – не учебная стрельба. Это бои с немецким десантом, который немцы высадили с самолетов в районе города Ельня. Десант, по данным нашего командования, хорошо вооружен, многочислен и имеет легкие танки. Сейчас наш полк займет те окопы, которые мы рыли, и будем бить немецких захватчиков».

Наступила еще тишина, которую нарушил командир одного из наших батальонов, сказав: «Чем мы будем бить немцев? Лопатами? Обидно ведь!» Командир полка ответил: «Будем бить лопатами, но своей земли не сдадим». – «Есть бить лопатами», – ответил командир батальона мрачно и решительно.

Для занятия боевой позиции было приказано выстроить подразделения полка на дороге, по которой несколько дней назад мы пришли на это место. Бойцам говорить о цели построения было не приказано, это должен был сделать сам командир полка.

Через десять минут весь полк был построен на дороге. В тиши ночи трудно было представить, что здесь стояло более полутора тысяч человек, – так тихо строились люди. Временами раздавались приглушенные команды, и только шум шагов показывал, что здесь много людей. Вместо того чтобы вести нас в сторону окопов, нас повернули на восток, и была отдана

команда: «Повзводно шагом марш!» Только потом я узнал, что в последний момент пришло приказание не занимать оборону, а отойти к востоку.

Из состава дивизии было выбрано около трехсот человек под командованием кадрового капитана. Они-то и были направлены навстречу немецкому десанту. Насколько мне известно, большинство из них погибли в бою с сильным, хорошо вооруженным противником, но действия этого отряда сыграли большую роль в остановке продвижения немецко-фашистского десанта. (Уже после войны я узнал, что это был не десант, а передовые части немецко-фашистской армии.) Бой этого отряда с немецко-фашистским десантом, насколько мне известно, был первым боевым эпизодом в истории 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района города Москвы. Командир отряда остался жив. В соответствии с духом того времени он был обвинен в неудаче боя. Знаю, что он долго находился под арестом и следствием в штабе дивизии. Дальнейшая судьба этого человека мне неизвестна.

После получения приказа на марш наш полк, а вместе с ним и вся дивизия, шли по проселочным дорогам обратно к Дорогобужу. Шли мы остаток ночи, весь следующий день и только в 3 часа ночи, то есть после 27 часов непрерывного пути, остановились около деревни Немерезь. Путь этот был очень тяжел, пищи мы не получали, остановки были очень короткими, днем было жарко. Шли мы на восток, это было обидно. Но вот привал: гудят усталые ноги, плечи ноют от лямок рюкзака. Я начинаю завидовать орехово-зுவцам, у каждого из которых за плечами лишь маленький мешок весом в два-три килограмма, не более.

На привале нам привезли прямо из Москвы пищу, которая состояла из хлеба и маринованных селедок, сыра, сгущенного молока и белых булок. В этом месте мы пробыли всего несколько часов и уже во второй половине дня пошли обратно, то есть на запад почти по тем же дорогам, по которым пришли к Немерезь. Путь на запад был медленнее; мы проходили в сутки километров по пятнадцать. Через два дня пути мы дошли до местечек, расположенных западнее города Дорогобужа. В деревнях мы не останавливались, избегая заходить в них. Ночевали всегда там, где заставала нас ночь. Постелью нам иногда служил ельник, в лучшем случае – пучок сена, обычно же ложились на землю. По утрам от холода и от ходьбы у меня болели суставы ног, но днем мы были все бодры и молча шагали на запад.

Где-то в районе деревни Березняки наш полк остановился на один-два дня. Здесь нам выдали винтовки на всех бойцов. Теперь мы были полностью вооружены. Когда мы стояли под Березняками, наш взвод получил боевое задание: по данным нашей разведки стало известно, что немцы будут двигаться по большой проселочной дороге, которая проходит через деревню Барсуки, командование дивизии решило поставить заслон на этой дороге около Барсуков. Для этой цели было выделено четыре взвода, в число которых попал и саперный взвод нашего полка. Мы срочно выстроились и направились к месту, где должны были занять линию обороны. Когда взводы двигались через лес, нам было приказано выделить отделение, чтобы прочесать лес справа от дороги, так как в этом лесу были замечены немецкие автоматчики. В отряд, который выполнил это задание, вошли, как помнится, А.Ф. Смирнов, А.В. Дарков, Дьяконов и несколько орехово-зувцев. Отряд выполнил задание, но немецких автоматчиков не встретил.

За Барсуками протекает маленькая речка с довольно широкой (метров двести) пойменной частью. Через эту речку был перекинут мост на широкой грунтовой дороге. Вот в этом месте мы должны были занять оборону. Окопы было решено разместить на восточном берегу реки так, чтобы ячейки стрелковых окопов были обращены на запад, в сторону деревни Барсуки.

Мы пришли на место часа в два, а уже к вечеру окопы были готовы, и мы приготовились встретить немцев, которых ожидали со стороны деревни. Здесь саперный взвод простоял два дня, но немцы не появлялись, они были, очевидно, остановлены где-то западнее. Несколько раз ночью приходилось выходить в разведку на запад, за деревню Барсуки. Помню, как, пройдя километра три от наших окопов, мы прятались в посевах и смотрели на дорогу. Нам светили

яркие звезды, иногда в сторону Москвы пролетали немецкие бомбардировщики, которые мы узнавали по ровному, с перекатами гулу моторов. В эти минуты мы думали о Москве, о судьбе наших близких, думали о том, что им приходится идти в бомбоубежище, проклинали немецких летчиков, которые несли смерть и разрушение нашему мирному городу.

Через два дня все четыре взвода были сняты с рубежа у деревни Барсуки, и саперный взвод вернулся под Дорогобуж, где более двадцати дней занимался сооружением линии обороны. Саперному взводу запасного полка дивизии был поручен довольно значительный участок обороны юго-западнее города Дорогобужа. Мы копали стрелковые окопы, соединительные ходы, траншеи, окопы для пулеметов, площадки для орудий. Работы производились ночью, с тем чтобы они были незаметны для немецкой авиации. Выкопанные сооружения маскировались дерном и ветками. Жили мы все это время в леске, который был расположен позади линии обороны, на расстоянии полукилометра. Спали мы прямо на открытом воздухе, подложив под себя ветки и сено, которое рвали на соседнем лугу. Мы не стали строить шалашей, так как не знали, долго ли нам придется здесь оставаться. Надо прямо сказать, что жить на открытом воздухе без шинелей, без одеял и плащ-палатки было нелегким делом. Бывали случаи, что мы вымокали от дождя, и тогда замерзали так, что болели кости. Несколько раз мой помощник Калганов предлагал мне укрываться вместе с ним его одеялом. Я долго отказывался, но к концу июля я воспользовался его предложением, и мы стали укрываться его одеялом вдвоем. Еще одно одеяло было у А.В. Даркова. Под ним спали вместе с Дарковым А.Ф. Смирнов и Гудков. В этот период мы с Гудковым не раз жалели о том, что оставили в Москве свои железнодорожные шинели.

Кормили нас в этот период хотя довольно регулярно, но очень однообразно и в малом количестве. Утром нам привозили кашу, а в обед суп и ту же кашу. Кроме того, выдавали граммов по 600 черного хлеба. То, что мы работали ночью, устраивало нас вполне еще тем, что днем на солнце было тепло и можно было заснуть.

Кроме рытья окопов мы занимались изучением винтовки, строевой подготовкой, изучали выданные нам к концу июля противогазы (примерно к 25 июля 1941 года винтовки были выданы всему личному составу дивизии). Но главным нашим занятием было рытье окопов. Начинали мы работу часов с девяти вечера, когда темнело, и продолжали ее до четырех часов утра, то есть до рассвета. Работали все дружно, и работа продвигалась хорошо. Не всем одинаково давалась эта суровая жизнь на природе; помню, что тяжело было доценту Осокину, который не обладал хорошим здоровьем; тяжело было А.Ф. Смирнову, у которого болели почки; жаловался на свое здоровье И.В. Урбан – единственный профессор нашего взвода. Зато выносливыми были орехово-зуевцы, а из числа москвичей хорошо переносили эту обстановку ассистент кафедры «Строительная механика» Дьяконов и доцент той же кафедры Анатолий Владимирович Дарков. Дьяконов был, кроме того, весельчаком, находил возможность пошутить, работал за двоих, что вполне соответствовало его крепкому телосложению.

С конца июля мы наладили переписку со своими родными. Сколько радости нам доставляло маленькое письмо! Получив письмо из дома, я чувствовал себя счастливым. Больше всего нас беспокоило то, как идет в Москве жизнь, здоровы ли все члены семьи? Прочитав письмо и узнав, что дома все благополучно, как-то успокаивался, еще больше хотелось жить и работать, и наша полевая жизнь, казалось, наполнялась теплом и лаской.

Зато, если письма задерживались, я начинал волноваться, в сердце ползли тревожные мысли, появлению которых способствовал переливчатый гул немецких бомбардировщиков, нередко пролетавших над нами в сторону Москвы. Да, эти письма с адресом: «Действующая Красная армия, полевая почтовая станция 235, 6-я дивизия народного ополчения, 6-й полк, саперный взвод» – были для каждого из нас дороги, как были дороги и наши письма, которые получали наши родные и близкие в Москве.

В десятых числах августа из нашего взвода был уволен И.В. Урбан, который получил освобождение от военной службы по состоянию здоровья. Также в августе из саперного взвода были уволены наши товарищи, которым было более пятидесяти лет. Мы распрощались с товарищами Левиным и Соленовым, передали через них письма домой и пожелали им счастливого пути.

15 августа нас полностью обмундировали. Это было большим событием. Нам выдали ватные кавалерийские куртки желто-зеленого цвета со стоячими воротниками, плащ-палатки, пилотки, обувь. Я, как командир взвода, получил яловые сапоги, удивительно прочные, полевую сумку, компас, а самое главное – я получил наган № ПМ-104-1941 г. С этим наганом позднее я вышел из окружения под Вязьмой и с оккупированной территории. Компас долгое время хранился у меня дома, потом я передал его в Музей истории и реконструкции Москвы.

Теперь мы не боялись ни холода, ни дождя. Самой замечательной из всех приобретенных вещей была плащ-палатка. Она совершенно не пропускала воду, защищала от ветра, из нее можно было делать и плащ, если шел дождь, и палатку, под которой можно было прекрасно спать, не опасаясь промокнуть. После месяца, который мы провели под открытым небом в одних гимнастерках, мы чувствовали себя не хуже, чем обладатели теплых благоустроенных домов.

Из периода нашей жизни под Дорогобужем мне запомнились еще следующие эпизоды: над нами нередко пролетали немецкие самолеты «мессершмитты», пролетали так низко, что было видно желтоватое брюхо самолета, черные кресты на его крыльях и фашистский знак на хвостовых рулях. Отходя от расположения взвода, я стрелял по «мессершмиттам» из винтовки СВТ, причем раздобыл для этой цели бронебойные пули, но никакого результата не замечал. Спустя несколько лет мне в руки попала карточка, показывающая наглядно, как надо стрелять по летящему «мессершмитту», и я увидел тогда, что стрелял совсем неправильно: я брал опережение не более чем на один корпус, а надо было брать опережение на два-три корпуса. Очень пожалел я тогда, что нам вовремя не указали, как надо стрелять по немецким самолетам.

В конце июля наш взвод рыл окопы на большом гороховом поле. Горох был уже спелым, его стручки были полны зерен. Мы все с удовольствием лакомились этим зеленым горохом, казавшимся нам вкуснее самых вкусных яблок. Помню, как встретился я однажды ночью с В.И. Ледовским – профессором нашего института, орденоносцем, старым членом партии. Он рыл окоп, соседний с одним из окопов нашего взвода. Я подошел к нему и поздоровался, он ответил мне. Я спросил его: не трудно ли ему копать? «Нет, – сказал он, – сейчас нет ничего трудного». И продолжал копать энергично и напряженно.

15 августа наш полк был расформирован, и его людской состав был распределен по другим частям нашей дивизии. Саперному взводу было приказано явиться в военные лагеря юго-восточнее Дорогобужа, где все это время располагался штаб дивизии. Мы должны были помогать хозяйственной части штаба грузить обмундирование, продукты и другие вещи, что было связано с передислокацией штаба на новое место. Не без некоторого сожаления покинули мы лесок, где прожили чуть ли не целый месяц. Я скомандовал: «На ремень!» – и взвод зашагал в сторону бывшего расположения штаба дивизии. Около бывшего лагеря в лесу я нашел большой склад кружек и котелков. Это был склад какой-то части, стоявшей здесь раньше. Склад оприходовала наша хозяйственная часть, мы взяли себе эмалированные кружки и котелки. Мы производили погрузку, приводили в порядок расположение лагеря. Работы было не так много, и к концу дня она была почти закончена. Спокойный летний день клонился к вечеру. Здесь, вблизи линии фронта, ничто не нарушало тишины природы, даже ветер не колыхал листья деревьев, было очень тепло. В километре от лагерей мирной жизнью жил маленький городок Дорогобуж. Думал ли кто-нибудь, что сегодня этот городок превратится в развалины, что многие его мирные жители – женщины, старики и дети – будут убиты и искалечены, потеряют своих родных и близких.

В Дорогобуже не было никаких военных объектов, армия в этот период войны размещалась, как правило, вне населенных пунктов. Единственный военный объект Дорогобужа представляла пекарня, в которой выпекали хлеб для нашей дивизии. Так что Дорогобуж был самым мирным, самым невоенным городом, и вот его-то выбрала фашистская авиация в качестве объекта одной из своих бесчисленных бомбардировок.

Около пяти часов дня с запада показалась эскадрилья фашистских бомбардировщиков, состоявшая из семи или восьми самолетов. Мы заметили эти самолеты раньше, чем поняли, зачем они летят. Они сделали круг над городом на очень малой скорости, а затем первый самолет пошел в пике. С того места, где мы находились, хорошо была видна вся эта бесчеловечная картина. Первый самолет пикировал над городом по прямой. Он летел беззвучно, выключив мотор, и так низко спустился, что нам одно время казалось, что он упадет на землю, но сейчас же он показался над городом. Вслед за этим раздался взрыв от сброшенных им бомб. Все остальные самолеты повторили то же пике, что и первый, но они выходили из пике раньше, чем он, и было видно, как от них отделялся смертоносный груз, и затем раздавались взрывы. С удивительным хладнокровием фашистские бандиты уничтожали Дорогобуж и его жителей. Над городом поднялся столб огня и дыма.

Разгрузившись от бомб, продемонстрировав виртуозную технику пикирования, бесчеловечное хладнокровие и не встретив никакого сопротивления, отряд бомбардировщиков выстроился над городом и улетел в западном направлении. Мы думали, что на этом бомбежка закончена, но это было не так. Через несколько минут на дороге со стороны горящего Дорогобужа показали несчастные жители. Они бежали, даже не оглядываясь назад. Женщины тащили за руку маленьких плачущих детей, кто-то нес на плечах мешок с вещами, кто-то вез остаток своих вещей на тележке, большинство же бежало из своего родного города без вещей. Куда они шли, о чем они думали?

В это время над городом появился тот же отряд бомбардировщиков и вновь повторил свое страшное дело. Как черные вороны кружились «юнкеры» над горящим городом, бросаясь на беззащитный Дорогобуж, как ворон с высоты бросается на свою жертву. Нельзя забыть этой страшной картины! Пылающий город, объятый пламенем и дымом, взрывы бомб, бегущие по дороге жители, и над всем этим – парящие в высоте черные птицы – фашистские пикирующие бомбардировщики.

Вечером нашему взводу было приказано двигаться в район деревни Подмошье, около которой разместился теперь штаб дивизии. По дороге я выбросил лишние вещи из моего рюкзака, и в том числе девять книг, которые я взял с собой. Я оставил только какой-то справочник по саперному делу. Мы пришли к месту расположения штаба нашей дивизии ночью. Мне указали палатку, где находился командир дивизии. Получив разрешение, я вошел и увидел комдива Савельева. Даже не увидел, так как в палатке было темно, а услышал его голос. Я доложил, что саперный взвод прибыл, он сказал, что мы вольемся в состав саперной роты при штабе дивизии, и приказал нам располагаться на ночлег.

Наутро командир саперной роты А.В. Авдеев при моем участии распределил состав нашего взвода по другим взводам роты. Часть наших товарищей попала в группу дивизионного инженера. К ним относились: Калганов, Дарков, и, если мне не изменяет память, несколько позднее в эту группу были направлены Осокин и Дьяконов. Я был назначен на должность помощника командира третьего взвода саперной роты. Командиром взвода был военный инженер 2-го ранга Князьков Константин Николаевич – добродушный человек крупного телосложения.

Саперная рота располагалась рядом с огромной шелковой палаткой, в которой находился комиссар дивизии. В этой палатке происходили инструктивные совещания с комиссарами полков и с политруками отдельных подразделений. В леске, около палатки комиссара, располагалась саперная рота. Каждый из своей плащ-палатки устроил себе двускатный шатер, окопал

по периметру небольшой канавкой, чтобы стекала вода, наложил под навес сучьев и травы и, таким образом, устроил себе хороший дом.

Иногда, лежа в своей палатке, я слышал голос комиссара Савельева, когда он читал лекцию на политические темы для политработников дивизии. Я вспоминал институт, вспоминал, как Савельев читал нам, аспирантам, курс философии. И тогда я видел, как много изменилось за эти полтора месяца. На всем огромном фронте от Белого моря до Черного шла Отечественная война с гитлеровской Германией. Немецкие войска продолжали еще наступать на Украине. На центральном участке фронта, частицей которого была и наша дивизия, положение стабилизировалось. Немцы не продвигались. Наша дивизия была в это время в резерве фронта и передовой линии обороны не занимала. Положение было в это время очень напряженным, немцы заняли огромную территорию в западных и юго-западных районах страны. Немецкие самолеты продолжали бомбить наши города, немецкая авиация явно господствовала в воздухе повсеместно. Очень много говорили в то время о всяких немецких шпионах. Разговоры, статьи о шпионах в газетах взвинчивали и без того тяжелую обстановку. Боязнь шпионов вносила недоверие в нашу среду и часто мешала нашей борьбе и работе.

С другой стороны, мы еще не поняли немцев: мы еще не осознали, что нацисты, пользуясь подкупом и опираясь на националистические и реваншистские настроения, переманили на свою сторону большую часть немецкой нации. В то время мы еще не знали как следует немецкой армии: с одной стороны, мы думали, что большинство немецких солдат чуть ли не силой принуждают воевать против нашей страны, с другой стороны, мы во много раз преувеличивали и число, и какую-то необыкновенную ловкость немецких шпионов. Знакомство с немецкой армией в процессе войны, с ее сильными и слабыми сторонами, складывание реального представления о немецкой армии способствовало, как и многое другое, нашим дальнейшим успехам, которые привели нас к победе в Великой Отечественной войне. Я делаю здесь вывод, может быть, и общеизвестный, но вывод, к которому и я, и многие участники войны пришли на основании опыта военных лет. Знание противника, реальное представление о нем сильно облегчают борьбу с ним.

Штаб дивизии располагался в лиственном лесу недалеко от маленькой деревни Подмошье. Кроме палаток, на территории, занятой штабом, было построено несколько блиндажей для командования и наиболее важных отделов штаба на случай бомбежки немецкими самолетами. В постройке этих блиндажей активное участие принимала наша саперная рота. Кроме постройки блиндажей, саперная рота, как и другие части дивизии, усиленно проводила различные военные занятия. Мы проходили строевую подготовку, изучали различные инженерные сооружения, занимались подрывным делом, изучали подготовку противотанковых минных полей, учились пользоваться противогазами и тренировались ходьбе в противогазах.

Третий взвод саперной роты обычно занимался на территории деревни Подмошье или около нее. В этот период дивизия приобретала необходимый опыт, выучку и тренировку. Мы теперь были похожи на кадровую армию, нас отличали только кавалерийские куртки. Мы были полностью вооружены, обмундированы и представляли собой боеспособную стрелковую дивизию.

В это время мы были резервом фронта, но нередко отдельные подразделения дивизии принимали участие в борьбе с немецкими разведчиками, с парашютистами. Помню, как один связист рассказывал, как они во время проводки линии связи увидели, что с немецкого самолета было сброшено несколько парашютистов. Заметив их, связисты уничтожили всех парашютистов, перестреляв их в воздухе. Как-то раз в наше расположение был вынужден приземлиться немецкий бомбардировщик, поврежденный огнем нашей зенитной артиллерии. Ополченцы задержали экипаж самолета и привели его в штаб дивизии. Пленные немцы были направлены в штаб армии.

Я, конечно, не перечислю всех эпизодов, в которых участвовали ополченцы 6-й дивизии в это время, так как мне известны только некоторые из них, но эти эпизоды имели место, и их было не так уж мало. Но в основном период, когда штаб дивизии стоял около деревни Подмошье, характеризуется напряженной боевой подготовкой и освоением техники и вооружения.

Остановлюсь на некоторых эпизодах этого периода. 20 августа командир роты Авдеев приказал мне явиться к комиссару дивизии за поручением. Комиссар дивизии приказал мне получить 20 тонн тола в полевом складе какого-то саперного батальона 20-й армии. Мне была выдана соответствующая бумага, где указывалось, что мне, младшему лейтенанту Зылеву Б.В., доверяется получить на указанном полевом складе 20 тонн тола. В бумаге ссылались на согласие командования 20-й армии и указывалось положение полевого склада.

Для выполнения задания было выделено десять полуторок, а мне дана карта района, где находился полевой склад. Через несколько минут мы уже были в пути. Примерно через два часа мы без особых затруднений отыскали полевой склад. Он охранялся. Начальник охраны, молодой сержант, прочитал бумагу и сказал, что он не может выдать тол без приказа командира батальона. Узнав от сержанта расположение штаба саперного батальона, я оставил в леске около склада девять автомашин и поехал в штаб батальона.

Наша дорога шла через Дорогобуж. Раньше я никогда не видел этого города, хотя мы двадцать дней работали в его окрестностях. От города осталась только часть – одна улица, которая называлась Ямщицкой. Эта улица отходила от города вдоль по дороге. Весь же остальной маленький город был превращен в руины. Страшно выглядел этот город: местами от дома остались лишь стены, а то и одна печка с трубой – все остальное сгорело. В обгоревших комнатах можно было увидеть обгоревшую кровать, на окнах – покрытые копотью цветочные горшки. Сквозь разрушения проглядывало лицо маленького русского города, и, казалось, оно спрашивало своих убийц: «За что?»

В штабе саперного батальона тоже отказались выдать тол по предъявленной мной бумаге и направили нас в штаб корпуса, который, к счастью, был расположен в соседней деревне. Но и в штабе корпуса нам не повезло: корпус отказался выдать тол без приказа начальника инженерной службы армии. Мы узнали расположение штаба армии и поехали туда; до штаба было километров пятнадцать-двадцать. Ехали мы в северо-западном направлении. С трудом мы нашли по указанным нам приметам штаб 20-й армии, который располагался в лесу. Только в два часа ночи нашел я начальника технической службы армии. Это был генерал-майор технической службы. Он спал, положив под себя сиденье от грузовой автомашины. Я разбудил его. Прочитав бумагу и выслушав мой краткий рассказ, каким образом я попал к нему, он написал на моей бумаге: «Выдать 6 ДНО 20 тонн тола», расписался и сказал: «Как хорошо, что есть еще люди, которым нужен тол». Побывав в штабе корпуса и в штабе саперного батальона, наша машина часов в семь утра стояла около полевого склада взрывчатки. Перевезли мы тол в две поездки. Машины брали не более одной тонны груза из-за плохих проселочных дорог.

Только часов в одиннадцать вечера я доложил комиссару дивизии об успешном выполнении задания. Тол этот, насколько мне известно, был использован для установки минных полей и для минирования дорог в районе передней линии обороны. Задание было выполнено без особых осложнений, если не считать того, что нам несколько раз приходилось прятать машины по сторонам дороги, когда над нами пролетали немецкие самолеты.

В этот период мне пришлось наблюдать не одно воздушное сражение. Как сейчас помню воздушный бой, который проходил прямо над местом расположения штаба дивизии. Вечерело, вдруг раздался оглушительный рев моторов, и три самолета с бешеной скоростью промчались над нашими головами на высоте 100–150 метров. Один самолет был наш, а два других – «мессершмитты». Наш самолет был из числа тех совершенных машин, которые в скорости не уступали «мессершмиттам». В первые месяцы войны таких самолетов было очень мало. В самолете был мужественный пилот. Он вступил в бой с превосходящим его противником. Тактика,

выбранная нашим летчиком, была такова: летая низко над землей, настолько низко, как позволяли верхушки деревьев, он делал возможно меньшие круги и пытался зайти «мессершмиттам» в хвост. Летчик, как видно, обладал необходимыми качествами для принятой им тактики: эти качества состояли из мужества, мастерства и колоссальной выносливости, позволявшей делать маленькие круги на огромной скорости. Но «мессершмитты» использовали свое численное превосходство: поочередно уходя от преследования, они заходили ему в хвост. Самолеты сделали над нами пять полных кругов; они летали, как метеоры, сотрясая все бешеным ревом моторов, к которому присоединялись пулеметные очереди. Почему-то нам в это время не разрешили стрелять в немецкие самолеты, и мы не могли ничем помочь нашему летчику!

Вдруг черная полоса дыма показалась за хвостом нашего самолета, и он на полной скорости врезался в землю на опушке леса, в котором располагался штаб дивизии. Летчик был убит. В его партийном билете лежала телеграмма, в которой его поздравляли с днем рождения. Какое трагическое совпадение! На груди у него был орден Красного Знамени. Мы все были очевидцами мужества, проявленного этим замечательным человеком. Он был похоронен товарищами из авиационной части, в которой он служил.

В это время появилось новое средство борьбы с танками: это были зажигательные бутылки. Одни из них загорались после попадания в танк с помощью спичек, прикрепленных к бутылке (специальную большую спичку надо было зажигать до бросания бутылки). Другие бутылки зажигались при разбивании. Эти бутылки назывались КС. Мы получили зажигательные бутылки в специальных сумках и учились ими пользоваться, бросая бутылки в твердые предметы с расстояния 20–25 метров.

В двадцатых числах августа личный состав дивизии принимал военную присягу. В саперной роте это происходило так: рота была построена в каре, перед строем стоял командир роты и представитель политотдела. Каждый ополченец выходил вперед, читал перед строем роты военную присягу и расписывался в ее принятии. Принятие присяги происходило в торжественной обстановке, тишину леса нарушал только голос ополченца, принимавшего присягу, да иногда вдали раздавались пушечные выстрелы.

Давно уж мы замечали, что на нашем участке фронта готовятся большие операции. Со стороны Москвы шли танки, тягачи с орудиями, машины везли ящики со снарядами. На машинах и пешком двигались в сторону запада кадровые войсковые части. Все говорило за то, что готовилось наступление на немецко-фашистских захватчиков. На нашем участке фронта происходили активные боевые действия, часто на западе гремели орудийные выстрелы, больше стало наших самолетов. В сторону немцев пролетали наши бомбардировщики и штурмовики. По дороге, которая проходила около расположения штаба дивизии, ехали пополнения, а с фронта везли раненых. Развертывалось контрнаступление наших войск на немецко-фашистские войска в районе Ельни.

В конце августа меня назначили на должность коменданта штаба дивизии. Это была совершенно новая и незнакомая работа. Главные мои обязанности заключались в охране штаба, особенно в ночное время, расквартировании командования и отделов штаба при перемещении, наблюдении за общей маскировкой штаба и прибывающих машин и за светомаскировкой в ночное время. Эта работа требовала от меня большого напряжения. Спать приходилось очень мало, и то только под вечер, когда заканчивалась основная дневная работа в штабе, и от рассвета до 8–9 часов утра. Ночью надо было проверять караулы, впускать и выпускать с территории штаба машины, приезжавшие из частей.

В конце августа штаб дивизии передислоцировался в сторону фронта и расположился в маленькой деревне Костино. Отделы штаба разместились в крестьянских домах, комендантское отделение во главе со своим командиром Александром Волковым расположилось в каком-то сарайчике на окраине деревни. Я разместился вместе с ними.

Жизнь в Костино мало чем отличалась от жизни около деревни Подмошье. В этот период части дивизии продолжали осваивать полученную технику и проходить военную подготовку в полевых условиях. Но в штабе шла напряженная работа: готовилось и начало осуществляться наступление наших войск в районе Ельни, и, хотя части дивизии непосредственного участия в боевых операциях 24-й армии, в которую входила наша дивизия, еще не принимали, но время, когда наша дивизия должна была занять участок переднего края, приближалось, и все ждали этого момента. Моя жизнь изменилась кардинально: выполняя обязанности коменданта, я был занят чуть ли не целые сутки. Приедет машина из части и остановится около одного из домов, где размещен какой-нибудь отдел штаба, а мне нагоняй: «Почему машина не замаскирована, почему она не убрана под навес или под деревья?» Поэтому большинство машин останавливалось около деревни в лесочке.

В штабе мы больше встречали людей, которые уезжали в Москву или приезжали из Москвы. Мы теперь получали больше сведений о жизни института и наших родных. Особенно запомнилось мне одно известие: жена писала мне, что мы теперь ждем ребенка. Это известие имело для меня какое-то особое значение, оно создало приподнятое настроение, давало какие-то новые, еще неизвестные мне до сих пор силы.

Институт наш продолжал работать, был произведен набор студентов на первый курс. Папа, как и ранее, возглавлял экзаменационную комиссию. Его фотография была опубликована в газете «Вечерняя Москва» с подписью: «Профессор Зылев В.П. экзаменует поступающих в МИИТ по математике». Жизнь моей семьи была неразрывно связана с моей жизнью, и, хотя нас разделяло большое расстояние и разные условия, наши жизни были неразрывны. В Костино я простился с ополченцами, которые уезжали в институт: В.В. Никитиным, преподавателем кафедры математики, уволенным из ополчения по возрасту, и Саухиным – монтером нашего института, уволенным по состоянию здоровья.

Однажды к нам в дивизию во второй половине августа приехал из Москвы ансамбль Красной армии под управлением Александрова. Одно из его выступлений состоялось в лесу поблизости от деревни Костино. На небольшой прогалине рядом поставили два грузовика с открытыми кузовами. Эти кузова образовали своеобразную сцену, на которой выступали солисты, певцы и танцоры. Музыканты окружили машины, расположившись на земле вокруг них, далее сидели ополченцы. Здесь были работники штаба дивизии, часть батальона разведки и саперной роты. Слушателей было не менее пятисот человек. Мы тихо сидели на лесной траве и ждали, когда ансамбль начнет свое выступление. Разговаривали мы мало. Было что-то торжественное в этом лесном фронтовом выступлении известного всей стране ансамбля.

С запада доносилась орудийная стрельба, каждую минуту могли показаться вражеские самолеты. И все это делало выступление ансамбля особенно впечатляющим, особенно торжественным и особенно интересным. Это настроение было общим, и оно воодушевляло артистов, которые, казалось, выступали особенно хорошо.

Когда хор ансамбля исполнил свою знаменитую песню:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой,

наступила восторженная тишина, разразившаяся бурей рукоплесканий. Когда аплодисменты смолкли, встал командир батальона разведки командарм 2-го ранга Ф.М. Орлов³ и

³ Орлов Федор Михайлович (7.1878 – 28.12.1953). Русский. Командарм 2-го ранга запаса, полковник (1942). В Русской императорской армии с октября 1899 г. по февраль 1905 г. и с марта 1915 г. по июнь 1917 г. Окончил учебную команду Гвар-

своим громким голосом сказал: «Слава Сталину, прошу повторить еще раз!» И ансамбль спел свою песню во второй раз. С тех пор я запомнил эту песню и помню ее и теперь.

Недолго штаб дивизии стоял в Костино. Как-то в самых первых числах сентября я получил приказ выехать в 3.00 утра в деревню Пожогоино-Богородицкое (это две соединившиеся деревни, на современной карте Смоленской области – Богородицкое) и подготовить помещения для размещения отделов штаба дивизии, которые должны были к 8.00 прибыть к месту новой дислокации.

Как-то особенно относились мы к этому перемещению, ведь оно происходило на запад, в деревню, которая еще два дня перед тем была передним краем нашей обороны, а теперь осталась в тылу нашей армии. Ведь наша передислокация была связана с первыми нашими боевыми успехами и участием в них 6-й ДНО.

Резервный фронт силами 24-й армии перешел в наступление, и под натиском Красной армии немцы отступили, оставив города Ельня и Ярцево. Конечно, теперь ельнинское наступление не выглядит особенно значительным, но тогда оно имело особое значение, так как оно было первым наступлением нашей армии на довольно большом участке фронта. Мы видели в нашем перемещении начало пути на запад, начало нашей победы. Мы верили, что враг уже теряет свои силы и что теперь начнется наш успех, который приведет нас к победе. Хотелось посмотреть места боев, увидеть немецкую технику, вступить на освобожденную от врага нашу родную землю.

С этими мыслями прибыли мы еще до рассвета в Пожогоино-Богородицкое – большое село, порядком пострадавшее от немецкого артиллерийского обстрела. Группа, в обязанности которой входило размещение штаба, состояла из комендантского отделения, представителей АХЧ (административно-хозяйственная часть), 1-го отдела штаба и политотдела. Мы должны были осмотреть все дома и решить, какой отдел штаба разместится в том или ином доме.

До войны в Пожогоино был большой и богатый колхоз. Мы увидели оборудованный скотный двор. Теперь он был пуст, коровы и лошади были эвакуированы в тыл. Помещения скотного двора были еще совсем новыми, и тем более странными выглядели разбитые стены, развороченная кровля и другие следы артиллерийского обстрела. В колхозе имелся небольшой клуб, в котором до войны показывали кинофильмы. Он тоже был поврежден снарядами и для размещения штаба был непригоден.

дейского Уланского полка в г. Петергоф (1900). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В составе отряда генерала П.И. Мищенко сражался под Сандепу и Мукденом. С началом Первой мировой войны Ф.М. Орлов в марте 1915 г. вновь был мобилизован в армию и зачислен унтер-офицером в запасный кавалерийский эскадрон в г. Новгород. С мая того же года воевал на Северном фронте в составе прежнего Гвардейского Уланского полка в должности командира разведывательного взвода. В июне 1916 г. был ранен и до января 1917 г. находился в госпитале в Гатчине. 3 июля 1917 г. вступил в Красную гвардию и занимал должность командира и комиссара Выборгского красногвардейского отряда. Добровольно вступил в Красную армию. Командовал различными частями и соединениями. В августе 1920 г. назначен командующим войсками Украинской запасной армии, одновременно с 27 января по 28 февраля 1921 г. и. д. командующего Харьковским военным округом. В 1927 г. уволен в запас. 1 октября 1931 г. восстановлен в кадрах РККА. В июне 1935 г. тяжело заболел (кровоизлияние в мозг) и до июля 1938 г. находился на лечении. 8 июля 1938 г. он был назначен заместителем начальника 7-го отдела завода № 1 Главного артиллерийского управления РККА. В начале Великой Отечественной войны командарм 2-го ранга запаса Ф.М. Орлов вступил в народное ополчение и с 5 июля 1941 г. командовал отдельным разведывательным батальоном 6-й стрелковой дивизии народного ополчения Москвы. В бою под Ельней он был ранен и контужен, однако не покинул поля боя. 26 сентября дивизия была переименована в 160-ю стрелковую и включена в состав Западного фронта. Находясь во фронтовом подчинении, она вела бои под Дорогобужем и Вязьмой. В ходе начавшейся Вяземской оборонительной операции попала в окружение, где вела тяжелые бои. После выхода из окружения Ф.М. Орлову было поручено восстановить дивизию. Приняв командование, ему в короткие сроки удалось привести дивизию в боевую готовность. В начале января 1942 г. дивизия была передана 33-й армии Западного фронта и вела бои в районе г. Веряя (Ржевско-Вяземская наступательная операция). 29 января 1942 г. Ф.М. Орлов был тяжело ранен и находился на излечении в госпитале в Москве. По выздоровлении с сентября 1942 г. состоял в распоряжении Военного совета Западного фронта, затем с июня 1944 г. – ГУК НКО. В сентябре 1944 г. назначен начальником военного отдела Главного управления учебными заведениями Наркомата лесной промышленности. После войны в октябре 1946 г. уволен в отставку. 28 декабря 1953 г. умер, кремирован и захоронен на Новодевичьем кладбище Москвы (*Комдивы*. Военный биографический словарь. Т. IV. М., 2015. С. 1055–1056).

В деревне сохранилось довольно много жилых домов, правда, почти все стекла в них были выбиты; но их можно было заклеить бумагой.

Вот уже показалось солнце, а мы осматривали один дом за другим, шагая через обгорелые балки, через груды кирпичей, оставшихся от какой-нибудь печки. В деревне было довольно много жителей: некоторые из них прятались во время боев в соседнем леске или даже оставались в деревне. Другие уже успели вернуться из соседних деревень.

К приезду штаба мы распределили между отделами подходящие для них дома. Часов в девять стали прибывать первые машины с людьми и оборудованием. Для командира дивизии полковника Шундеева я выбрал самый сохранившийся дом. Этот дом был расположен на восточном склоне холма, на котором стояла основная часть деревни. Дом уцелел от артиллерийского обстрела, так как с запада был загорожен холмом; мне показалось, что это самый подходящий дом для командира дивизии.

Не успели мы разместить все отделы, как ко мне подошел связной и передал приказание немедленно явиться к полковнику Шундееву. Получив впервые вызов к командиру дивизии, я почти бегом направился к его дому. Доложив полковнику по всей форме, я стоял, дожидаясь его приказаний. Чувствовалось, что полковник нервничал. Рядом с ним в комнате сидел комиссар дивизии. Прежде чем начать говорить, Шундеев постучал пальцами по столу, покраснел и вдруг обрушился на меня с раздраженной речью, которая напоминала более всего ругань: «Вы что, командир или тряпка, разгильдяй, идиот?» И слова, и тон, которым они были произнесены, ввели меня в полную растерянность. Я посмел только спросить: «В чем я виноват?» – «Что, не могли вы найти для командира лучшего дома? Вы что, не знаете, что крайний дом для командира выбирать нельзя: могут быть диверсии, нападения из леса! Марш бегом в деревню и отыскать мне дом, какой нужно!» Я повернулся и бегом бросился в деревню. Еще раз перебрал я свободные дома, но все они были хуже того, в котором остановился полковник. Выбрав дом, я вернулся к нему и доложил, что мне удалось найти. К моему удивлению, гнев полковника куда-то исчез. Он выслушал меня и сказал, что остается в этом доме: «Но в следующий раз выбирайте дом для меня как следует». На этом я был свободен.

Штаб уже приступил к своей работе: Волков расставил охрану, и мы вместе с ним пошли отдохнуть в наше новое жилище, которое находилось в большом сарае для сушки и теребления льна. Сарай находился на юго-западной окраине Пожогоино. С холма, на котором стоял этот сарай, открывался чудесный вид в западном и юго-западном направлениях. По склонам холма тянулись огороды, далее по равнине текла небольшая речка, за которой виднелись леса, а перед ними раскинулась широкая полоса лугов. На небе мирно плыли облака, солнце освещало эту картину яркими лучами, воздух был полон ароматом полей. Стояла тишина, не было слышно орудийной стрельбы, и мы, расстегнув свои ополченские куртки, сидели, прислонившись спиной к сараю и наслаждаясь коротким отдыхом после бессонной ночи.

После обеда начальник АХЧ Коршунов приказал нам очистить территорию деревни от невзорвавшихся немецких снарядов. Так как все люди комендантского отделения были заняты охраной, уборкой этих снарядов занялись Волков и я. Мы собирали невзорвавшиеся снаряды по дороге и дворам и относили их в овраг метров за сто от деревни. Работа эта заняла очень много времени. Мы стащили в овраг не менее полутора сотен снарядов. Большинство из них было небольшого размера, но попадались снаряды диаметром более 20 сантиметров. Их мы обвязывали проволокой и тащили волоком. На снарядах стояли немецкие буквы, а иногда и даты их изготовления. Никогда я не видел такого количества невзорвавшихся снарядов.

Комендантское отделение, на котором лежала обязанность по охране штаба, состояло из ополченцев, которые до войны являлись работниками НКВД, занятыми на охране Кремля. Большинство из них были в прошлом пограничниками. Они умели хорошо нести караульную службу. Из бойцов комендантского отделения я запомнил Бабкина и Зарубина. Оба они до войны работали в органах НКВД.

С возвышенности, на которой была расположена деревня Пожогоино, по ночам была видна далекая линия фронта; обозначалась она пожарами и яркими вспышками немецких осветительных ракет. Иногда ночью можно было увидеть несколько огромных пожаров: то горели подожженные немцами города и села Смоленщины. Тяжелые чувства вызывали у меня эти далекие пожарища. Багровые у горизонта, они поднимались к небу темными облаками дыма, черного, как горе, нависшее над нашей родиной.

Однажды днем комендантское отделение и приданное в помощь для охраны отделение саперного батальона (саперная рота в начале сентября была преобразована в батальон) обедали, расположившись около сарая. Вдруг над нами просвистела одна, за ней другая и третья пули. Одна из пуль попала в столб, стоявший около сарая. Оставив свои котелки, мы спрятались за сарай и за выступы земли. Кто-то стрелял в нас со стороны леска, примыкавшего к Пожогоину с южной стороны.

Выстрелы повторились еще несколько раз. Разделившись на две группы, мы двинулись к лесу, стараясь быть незаметными для стрелявшего. Мы долго обыскивали лес, но никого найти не смогли. Однако вечером по дороге, идущей мимо этого леска, ехал вестовой из штаба 24-й армии. Его вновь обстреляли, но, к счастью, не попали ни в него, ни в его лошадь. Отступая, немцы оставляли на нашей территории одиноких стрелков-«кукушек», которые занимались запуском ракет, указывая ими объекты для бомбежки немецким самолетам, и производили отдельные диверсии, вроде обстрела, которому подверглось комендантское отделение.

В борьбе с ракетчиками не обошлось без курьезов. Однажды меня вызвал кто-то из руководящего состава штаба и, указывая на яркую звездочку над лесом, сказал: «Я видел, как из леса была брошена ракета, вон она висит над лесом. Пошли людей или сам обыщи лес. Надо задержать ракетчика». Я посмотрел в указанную сторону и увидел планету Марс – красноватую звездочку, которая в этот вечер особенно ясно выделялась на ночном небе. «По-моему, это Марс», – сказал я несмело. Кто-то из стоящих рядом поддержал меня. Но не тут-то было! Мы получили приказ обыскать лес. Двумя группами во главе со мной и Волковым мы обшарили пустой и безмолвный лес. Когда мы вернулись в штаб, усталые и исцарапанные сучьями, то в штабе уже никто не сомневался, что мнимая ракета была действительно планетой Марс, которую, несмотря на все наши старания, мы поймать не смогли.

Помню еще один случай: ночью соблюдалась строжайшая светомаскировка, и вдруг, проходя ночью по Пожогоино, мы с Сашей Волковым увидели, как в окне одного из домов то вспыхивал, то погасал огонек. Вспышки повторялись периодически, это заставило нас настроиться. Дом стоял в стороне от дороги, метрах в ста от основной части деревни. Тихонько, держа наганы наготове, мы приблизились к дому и подошли к окну, в котором мигал огонек.

Нашим глазам представилась следующая картина: окно было завешено какой-то драпной овчиной с большой дырой вместо рукава. Через эту дыру и мигал огонек. В небольшой комнате около печки сидела женщина и при свете лучины что-то вязала. С русской печи торчали детские ножки. Женщина встала, взяла ухват, подошла к печке, открыла заслонку, и на нас упал яркий свет пылающих в печке дров. Повернув горшок с варившейся в нем пищей, женщина закрыла заслонку и села вязать. Через некоторое время повторилось то же самое. Теперь мы поняли, откуда происходили эти заинтриговавшие нас «сигналы». Волков постучал тихонько в дверь и сказал хозяйке, чтобы она лучше закрыла окно, что и было сделано.

Но были в Пожогоино и печальные эпизоды. Вскоре после передислокации сюда штаба нам стал известен такой случай: какая-то группа ополченцев или, возможно, группа рабочего батальона нашла труп убитого немцами советского командира. К трупу подошли несколько человек. Когда труп стали трогать, чтобы найти документы, раздался страшный взрыв, которым было убито и ранено пять человек. Немцы заминировали труп, не постеснявшись использовать его в качестве мины-«сюрприза».

Части дивизии продолжали военную учебу, занимались разминированием минных полей, оставшихся после отхода немцев, собирали немецкую трофейную технику, вели борьбу с ракетчиками и немецкими парашютистами, участвовали в постройке оборонительных сооружений, рытье противотанковых рвов, установке минных полей и ряде других работ. Но полк полковника Н.А. Оглобина и одна из рот батальона разведки участвовали в боях по освобождению города Ельни.

В эти дни, не помню, по какому поводу, мне пришлось побывать в небольшой деревне, расположенной к западу от Пожогоино. От Пожогоино до этой деревни мы шли пешком. Равнина за речкой была изрыта воронками от снарядов и мин.

Вот линия окопов. На дне окопа лежит книжка. Я поднял ее и прочитал на заглавном листе надпись, сделанную нашим бойцом во время боев: «Хочется спать, но этот обстрел не дает заснуть даже на минуту». Эта маленькая фраза дала представление о том, что было здесь несколько дней тому назад. За линией окопов мы увидели убитого красноармейца. Он лежал лицом к земле, распластав руки, как бы обнимая ими землю. Я обыскал карманы гимнастерки и шинели: думал найти документы, но нашел лишь записную книжку, которая была заполнена незнакомыми мне восточными иероглифами. Эту книжку мы сдали в штаб. Вырыв тут же могилу, мы схоронили тело неизвестного бойца, отдавшего свою жизнь в борьбе с фашистскими захватчиками.

Пройдя еще несколько сотен метров, мы подошли к месту, где находилась линия немецкой обороны. А вот и немецкие окопы, а за окопами – блиндажи. Вот логово нашего врага на нашей земле. С нескрываемым волнением рассматривал я все, что осталось здесь после немцев. Хотелось как можно лучше понять, кто они, как они живут, чем отличаются от нас, какое у них оружие.

Прежде всего попались мне на глаза немецкие журналы. Запомнились мне две фотографии. На одной из них был снят горящий Смоленск. Железнодорожные пути, разрушенное здание вокзала, а дальше в столбах пламени и дыма – горящий город. Надпись гласила: «Горящий Смоленск». Кто мог развлекаться подобными фотографиями? Неужели за этими обгорелыми стенами, за этими пожарищами не увидели немцы великого горя людей, на которых обрушились эти бесчеловечные испытания? Или немцы, которые бомбили, фотографировали и читали, не имели представления о человеческих страданиях?

Вторая фотография изображала Гитлера на военном параде. Он ехал, стоя на машине, вытянув вперед руку, а перед ним стояла, как каменная, масса людей, армия в несколько десятков тысяч человек. Что-то холодное, отгалкивающее было в этой застывшей, вышколенной толпе; это была та черная сила, которую и должна была сломить наша Красная армия.

В блиндажах валялись немецкие противогазы, они были значительно легче наших. Было много патронов и мин. Я посмотрел на даты, стоявшие на патронах. На большинстве патронов стояли даты – 1934 и 1935 годы. Так вот когда задумали гитлеровцы свой поход на Советский Союз!

За деревней валялись ящики из-под снарядов: бросалась в глаза их аккуратная выделка и прочность, и особенно ремни – такие же толстые, как у нас гимнастерочные. Удивили меня огромные подковы. Я представил себе лошадей, подкованных этими подковами; эти лошади должны были быть крупнее наших московских ломовых лошадей. Очень аккуратно были открыты выброшенные консервные банки; я подумал – немецкая аккуратность. Я увидел интересный, золотистого покрытия, легкий телефонный шнур; тогда у нас таких шнуров еще не делали. А вот разбитая немецкая штабная машина, а недалеко от нее – развороченный тяжелым снарядом немецкий танк с коротенькой толстой пушкой и с белыми крестами по бокам.

Это первое знакомство с немецкими вещами и бытом немецкой передовой очень много дало мне в познании нашего врага. Это первое непосредственное знакомство убедило меня в том, что немцы – люди, что у них есть разные стороны, но нет ничего необыкновенного.

Немецкие блиндажи были сделаны значительно хуже наших, сразу было видно, что мы ближе к родной природе, что наше мастерство стоит выше; преимущества же немцев в некоторых виденных мною вещах были не столь уж велики. Это была первая моя оценка облика врага, облика, который все более вырисовывался и принимал определенные черты.

Немцы продолжали бомбить Москву и другие города, мы узнавали об этом из газет и писем. Нередко москвичам приходилось проводить ночи в бомбоубежищах и на постах противоздушной обороны, но, как ни старались немцы, они не могли вызвать в Москве большого пожара; благодаря энтузиазму населения, которое с успехом научилось гасить зажигательные бомбы, пожары в Москве носили единичный характер. Отец написал мне, что ему удалось погасить зажигательную бомбу. Стабилизатор этой зажигалки хранится у нас в семье до сих пор. Но бомбежки были тяжелы главным образом тем, что нарушали сон и нормальный ритм работы. Об этом иногда писала вскользь жена и рассказывали приезжавшие из Москвы товарищи.

В обороне

Около 10 сентября наша дивизия, входившая в состав 24-й армии Резервного фронта, получила участок переднего края обороны западнее и северо-западнее города Ельни. Помню, как мне в этот период пришлось побывать в расположении нашего артиллерийского полка. Там я встретился с А.А. Бармашевым – бывшим председателем профкома института. Он был богатырского телосложения, энергичный, волевой человек. Когда мы говорили с ним о нашей дивизии, он сказал: «Да, мы теперь к бою готовы, у нас есть все необходимое».

10 сентября 1941 года штаб дивизии передислоцировался в деревню Мойтево (ныне на карте Смоленской области есть деревня Ходыкино, в которую влилась Мойтево), что расположена северо-восточнее города Ельни, примерно в одном километре от него. Линия фронта проходила 5–6 километров западнее Мойтево. Это была небольшая деревня, тянувшаяся вдоль дороги Ельня – Вязьма. Здесь было не более 20 домов. Окрестности Мойтево были сравнительно бедны природой: в обе стороны, на восток и на запад, простиралась довольно ровная местность, местами пересекавшаяся небольшими оврагами и холмами. Деревня располагалась на склонах небольшой ложбины, обращенной на восток. С запада часть деревни была прикрыта гребнем холма. Это было очень важно, так как делало эту часть деревни недосыгаемой для немецкой артиллерии.

С западной окраины Мойтево была видна Ельня, до которой по равнине шла проселочная дорога. За Ельней и западнее ее виднелся лес, до которого было не менее трех километров. От немцев в Мойтево остались довольно большие блиндажи, расположенные на скатах оврага восточнее деревни. Эти блиндажи использовались для размещения некоторых отделов штаба. Люди комендантского отделения разместились в маленьких землянках, вырытых также немцами. Эти землянки походили скорее на земляные конурки. Они были устроены так: прямоугольная яма, затем ряд досок и бревен, взятых из крестьянских построек, и сверху – слой земли; на дно ямы немцы настлали ботвы и сена. Эти землянки вмещали от двух до пяти человек. В одной из них расположились мы с Волковым.

Кругом Мойтево, на поле, то тут, то там, были установлены орудия нашего артполка. Эти орудия были вкопаны в землю и накрыты сверху маскировочной сеткой. За деревней, в ложбине, располагалась батарея тяжелых минометов также нашей артиллерии.

Нередко над Мойтево пролетал немецкий снаряд, распространяя еле слышный звук, напоминавший не то свист, не то пение струны. Иногда разрывался какой-нибудь одиночный снаряд, и в ответ на это звучал выстрел одной из наших пушек. Все это напоминало, что где-то рядом проходит передняя линия обороны, на которой стояли теперь полки и батальоны 6-й дивизии народного ополчения. Но надо прямо сказать, что в первые дни после нашего переезда обстановка в Мойтево была довольно спокойная. Разрывы снарядов были редки. Иной день на всем видимом из Мойтево поле не разрывалось ни одного снаряда.

Охрану штаба несло одно комендантское отделение, так как Мойтево было значительно меньше Пожогоино и местность была довольно ровной. Но близость фронта требовала особой бдительности. Посты проверялись по несколько раз в ночь, спать ночью почти не приходилось всему составу комендантского отделения. Мы имели теперь ежесуточный пароль, который проверялся у каждого, прибывавшего в расположение штаба, особенно если это происходило ночью.

Днем мы оставляли всего три поста: у входа и выхода из деревни, и один пост – западнее деревни для наблюдения за окрестностями. Кроме наших постов, некоторые отделы штаба имели свои особые посты.

При передислокации штаба я особое внимание обратил на выбор дома для полковника Шундеева, но на этот раз прибывший из Пожогоино полковник не только не возмутился, а

сказал, что разместится в том доме, который я ему укажу. И когда я стал объяснять тактические преимущества дома, который я для него выбрал, он остановил меня и сказал: «Мне все равно, покажите, где я должен остановиться». После разговора в Пожогино полковник стал очень внимательно относиться ко мне.

В связи с тем что части дивизии заняли участок передовой линии обороны, работа штаба оживилась: больше приезжали из частей. Чаще командир, комиссар и, особенно, начальник штаба Лебедев и другие работники штаба ездили в части, на передовую. Первый отдел и шифровальный отдел принимали и отсылали шифрованные телеграммы, приказы и сводки. Отдел боепитания занимался снабжением частей дивизии снарядами, патронами, горючим. Расход боеприпасов увеличился, так как части дивизии, находясь на передовой, вели перестрелку с немцами. Штаб дивизии имел проводную связь со штабом армии и штабами полков. Кроме того, в распоряжении штаба находилась походная радиостанция.

В политотделе проходила работа по переподготовке и повышению квалификации политического состава. Там работала школа для политических работников, в которой обучалось около 30 командиров. Запомнился мне комиссар штаба дивизии А.И. Костюк. До войны он был деканом эксплуатационного факультета МИИТа. Он был всегда бодрый, веселый, умел объяснить обстановку, успокоить людей, вселить в них чувство уверенности и успеха нашего дела. Я несколько раз слышал выступления Костюка о положении на фронтах, о задачах дивизии, о том, как ведут себя немцы на нашем участке фронта.

Так протекала жизнь штаба дивизии в течение первой недели с момента нашей передислокации в Мойтево. 19 сентября пришло известие, что наша дивизия стала кадровой и получила наименование 160-я стрелковая дивизия. Да, теперь мы полностью вооружены, обмундированы, прошли школу прифронтовой жизни и во многих отношениях сравнялись с кадровыми частями. Но предстояла еще большая работа по перестройке ополченческой дивизии в кадровую. 22 сентября группа ополченцев во главе со студентом МИИТа В.С. Ницурой была направлена в Москву для получения удостоверений личности армейского образца. У ополченцев удостоверений не было или были довоенные.

Неподалеку от Мойтево (несколько восточнее его) расположился саперный батальон, где мне иногда приходилось бывать по делам охраны штаба. В штабе батальона я обычно говорил обо всех этих делах с помощником начальника штаба батальона Запорожцем Григорием Ивановичем, у которого я учился в институте по математике. Григорий Иванович ревностно относился к военной службе и всегда оперативно выполнял требования по выделению людей для нужд штаба дивизии.

22 сентября Саша Волков и я пошли в баню в Ельню; это была первая баня с тех пор, как мы покинули Москву. Конечно, мы мылись в речках, но очень не систематически, и теперь, когда появилась возможность помыться в настоящей бане, мы очень этому обрадовались. Кроме того, нам хотелось посмотреть Ельню, которая побывала в руках фашистских захватчиков и была освобождена нашей армией.

Собрав смену белья, мыло и раздобыв откуда-то мочалки, мы двинулись в Ельню. Был чудесный осенний день, нам было легко, так как мы оставили в Мойтево свои куртки и вещи. Мы шли по дороге, которая, извиваясь, пересекала большое поле. Собственно, с начала войны мы шли просто так в первый раз. Теперь мы могли посмотреть кругом, вдохнуть поглубже прекрасный воздух полей, поразмять спину, почувствовать всю чарующую прелесть нашей русской природы.

Мы шли не спеша, смотрели, как артиллеристы возились около своих орудий, накрытых маскировочными сетками. Спокойно смотрели, когда вдали одинокий снаряд, взорвавшись, поднимал вверх столб земли и пыли. Мы чувствовали себя спокойно, и, казалось, ничто не могло нарушить это спокойствие первого отдыха за последние два с половиной месяца.

По мере того как мы приближались к Ельне, очертания города вырисовывались все отчетливее. Город был маленький, большинство домов – одноэтажные, очень похожие на дома подмосковных дачных мест. Справа вырисовывалось каменное здание из красного кирпича с высокой каменной трубой. Это, как мы уже знали, был винный завод. В городе было еще несколько каменных домов, помнится, не более чем в два этажа. Город не был разрушен полностью, но носил сильные следы бомбежки, артиллерийского обстрела и, видимо, грабежей. Населения почти не было, двери многих домов были открыты настежь. Сквозь эти открытые двери, выбитые окна виднелись порой совершенно чистые жилые комнаты; иногда в окне висела белая занавеска, тогда как в другом окне зияла пробоина через разбитую стену прямо в открытое небо.

Мы остановились около здания городской аптеки. Около нее валялись всякие склянки, посуда из-под лекарств, изломанные аптекарские весы и другая аптекарская утварь. Окна аптеки были выбиты, двери открыты, но на плинтусах еще не осело много пыли, и казалось, что аптека совсем недавно обслуживала своих посетителей.

Людей почти не было видно: жители города частично эвакуировались вглубь страны, частично были угнаны немцами на оккупированную территорию. Эти сведения мы получили от жителей деревни Мойтево. Здание, в котором располагалась баня, сохранилось довольно хорошо, выбитые окна были закрыты фанерой, так что внутри бани было тепло. В бане мылись и ополченцы, и кадровики. Воды хватило и холодной, и горячей, и, помывшись вволю, мы вышли на улицу, почувствовав какую-то особую свежесть, легкость и бодрость.

На обратном пути мы зашли в один довольно хорошо сохранившийся дом. Нас тянуло туда, поскольку мы уже давно не были ни в одном каменном доме и последние месяцы почти полностью прожили на открытом воздухе. Кроме того, хотелось взглянуть, как жили люди до того, как с насиженных и обжитых мест их выгнали немецкие захватчики. Дом и его содержимое сохранились прекрасно: в некоторых окнах даже уцелели все стекла, еще пахло свежей краской стен, белизной сверкали подоконники, на которых осел тонкий слой пыли. Но, несмотря на внешнюю сохранность, дом носил на себе следы какой-то борьбы, поспешного бегства. Видно было, что в доме жили интеллигентные люди: в одной из комнат, упав одним краем на стол, валялся книжный шкаф с раскрытой дверцей; книги с его полок упали рядами на пол. По виду книг можно было определить, что их хозяин был очень аккуратный человек, тщательно и долго собиравший свою библиотеку. Тут были книги Майна Рида, Жюль Верна, работы по географии, по истории (Лависс и Рамбо), такие же, какие были у нас дома. Вообще, набор этих книг, валявшихся в беспорядке, напомнил мне наши книги, книги моего отца, напомнил мне наш дом, нашу жизнь, нашу семью. Я представил себе всю трагедию, постигшую жителей этого дома, их горе стало для меня моим собственным горем. Жгучая досада за эти книги, за их хозяев, переросла в моей душе в возмущение против войны, против варварских поступков немецких фашистов.

Вдруг я представил себе, что судьба людей этого дома может стать судьбой моих близких: матери, отца, жены, и от этого у меня стало особенно тяжело на сердце.

Из Ельни мы возвращались быстрее: стало холоднее, из головы не выходили аккуратные комнаты и книги, рассыпавшиеся по полу из упавшего шкафа.

25 сентября к нам из Москвы приехала делегация трудящихся Дзержинского района Москвы. В составе этой делегации были представители районного комитета партии, сотрудники МИИТа, рабочие завода «Борец», работники Наркомата внутренних дел и Наркомата иностранных дел. Делегация привезла нам несколько грузовых машин с подарками от жителей Москвы. Мы были рады оказанному нам вниманию. Но главное было – внимание. Гости рассказывали о жизни Москвы, мы интересовались всем: часто ли бывают бомбежки, сильно ли пострадала Москва, как идет работа на заводах и в учреждениях, как идет торговля в магазинах, какая в Москве погода, что говорят о войне и т. д.

Гости отвечали на все вопросы и в свою очередь интересовались нашей жизнью, делами дивизии, положением на нашем участке фронта, трофеями, полученными нашей армией в наступлениях под Ельней, и многим другим. К сожалению, я забыл фамилии товарищей, приехавших к нам из МИИТа, но помню, как миитовские ополченцы окружили приехавших и вели с ними беседу. Мне передали привет и письмо из дома. Мы спрашивали про тех, кто был уволен из ополчения по состоянию здоровья. Я спрашивал, как чувствует себя А.Ф. Смирнов, который очень сильно болел, в конце августа был уволен из армии и вернулся в МИИТ.

Этот визит оставил у меня, как и у многих других, самые теплые воспоминания. Мы просили передать нашу горячую благодарность трудящимся Дзержинского района за внимание и за полезные и дорогие нам подарки.

28 сентября в командировку в Москву с группой ополченцев для получения оружия уехал командарм 2-го ранга Орлов, они получали в штабе дивизии командировочные удостоверения.

Как-то в эти же числа я встретил комиссара дивизии Савельева. Поздоровавшись с ним, я хотел пройти мимо, но Михаил Никитич остановил меня, и мы вместе с ним пошли по дороге. «Вот видите, у немцев не хватает меди и латуни, – говорил он, показывая на оружейные гильзы, оставшиеся на земле в том месте, где у немцев стояла артиллерийская батарея. – Видите, они вынуждены заменять латунь железом, и это из-за недостатка меди и латуни». В гильзах, о которых он говорил, боковые поверхности были выполнены из листового железа, свернутого по спирали. «Скоро запасы немецкой армии истощатся, у них уже не хватает нефти и каменного угля. А вслед за тем наступит крах гитлеровской авантюры». Потом Михаил Никитич как-то тяжело вздохнул и, некоторое время помолчав, сказал: «Скомплектовал я дивизию, обучил ее, а в бой идти не придется». «Почему?» – спросил я. «Меня переводят комиссаром железнодорожного узла. К вам приедет новый комиссар, товарищ Белов. Он – кадровый военный и имеет большой опыт политической работы. А все-таки жаль мне оставлять дивизию, хотел бы повести ее в бой». Что говорили мы потом, я не помню, но только уже через два дня после этого разговора в нашей дивизии появился новый комиссар – полковой комиссар Белов⁴. Он был очень энергичный человек. Его энергия сразу стала чувствоваться: он ездил в части, говорил с работниками штаба, вникал в работу отделов. Белов был очень непосредственный, живой, простой и остроумный человек. В нем чувствовался навык армейской работы с людьми, какая-то практическая сметка и хватка.

Период относительного затишья, который наступил на фронте после ельнинского наступления Красной армии, начал к концу сентября сменяться периодом все более ожесточенной борьбы. Мы чувствовали и видели, что командование фронта готовит какие-то большие операции. Оживление было заметно даже днем. Видно было перемещение войсковых частей; то там, то тут появлялись новые орудия. Особое оживление ощущалось ночью, когда к фронту прибывали тягачи с орудиями, танки, автомашины. От моторов тягачей, танков, автомашин ночью по всей округе стоял особый шум – шум современной войны. Мы ожидали большого нового наступления Красной армии на Центральном фронте.

⁴ Полковой комиссар Белов прибыл в дивизию в конце сентября 1941 г. Был смертельно ранен снарядом, оторвавшим ему руку при отходе дивизии из-под Ельни. Там же он был похоронен двумя ополченцами, находившимися с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.